

Сергей КАЛЕДИН: ХОРОШО СТАЛО УМНЫМ ЕВРЕЯМ, КОТОРЫЕ НЕ ПИЛИ ВОДКУ

Веч. кинф. - 1999. - 6 февр. - 45.

Сергей Каледин матом не пишет, порнографии избегает, даже в социальных своих разоблачениях оказывается (на фоне большинства литераторов левого толка) поразительно скромным. И тем не менее. "Смирненное кладбище", написанное им еще в семидесятых, вышло чуть не через десять лет после завершения работы над этой отнюдь не чернушной повестью. Его "Стройбат" из гранок "Нового мира" снимал непосредственно ГлавПУР, а спектакли по этой повести систематически напарывались на сопротивление военной цензуры. Наконец, свою последнюю вещь "На подложке золотой" — повесть из цикла "Коридор" — Каледин не смог пропихнуть ни в один из московских толстых журналов.

— Сережа, отчего вы — вовсе не самый отважный и разоблачительный автор — так систематически напарываетесь то на партийную, то на либеральную цензуру? "На подложке золотой" — очень грустное сочинение, но я в толк не возьму, что там могло кого-то насторожить.

— История довольно долгая. Я сперва понес в "Новый мир". Там мне говорят: есть проза на схожую тему, и потом, Солженицын забывает чуть не все номера своим продолжением "Теленка"... Я побежал в "Знамя". Там, даже не вдаваясь в разбор, честно сказали: ну ты же профессионал, ты все понимаешь. В "Октябре" прекрасная женщина сказала мне: "Сережа, буду с тобой откровенна — ну зачем эта литературная среда, дразги, склоки... У нас пуританский журнал...". Честно говоря, к такому отношению "толстых" журналов я был готов: повесть моя затрагивает неприкосновенный русский ПЕН-центр. Я рассказываю там печальную известную историю о том, как в руководстве ПЕНа завелся человек с гебешным прошлым. А элитной литературной и, кроме того, правозащитной организации это, по-моему разумению, не к лицу.

Повесть моя, однако, — не о ПЕНе как таковом. Это история, вернее, ностальгическая сказка о дружбе. Три товарища: Ванька, Синяк и Жирный. Всем под пятьдесят. Ситуация типовая: все интересное — позади, впереди — блеклая перспектива.

— Кстати, как закончилась реальная история с вытеснением из руководства ПЕНа бывшего стукача?

— Не только бывшего, скорее всего — и сущего. Из лубянской конторы по собственному желанию не увольняются. Несколько человек, в том числе Наум Ним и я, заговорили о прошлом этого товарища. Однако, братья-писатели в массе своей эту разборку не поддержали, обвинив нас в охоте на ведьм. Но топтун наш

все-таки свой пост покинул и перешел в другие сферы — открыл в Лондоне антикварный магазинчик.

— Мне показалось, что сквозной герой "Коридора" — нескрываясь похожий на вас — капитулирует: всех радостей у него — пожрать да выпить...

— Да нет, не капитулирует, еще брыкается, рыпается... Хотя ему, конечно, трудно. А что касается схожести, то прототипу (т. е. мне) тоже есть над чем подумать, в частности: не хватил ли писать, может быть чем-то другим заняться.

— Веселенькое размышление. Но кому-то же сейчас наверху стало хорошо?

— Никому особенно хорошо не стало. Может, только умным евреям, которые не пили водку, старательно учились и теперь разбогатели. Но... вина не попить, недогуляно... Может быть, они балдеют от своей нынешней состоятельности — от капитала, от власти, но не думаю, этот кайф чересчур беспокойный. Кроме того, ведь хочется похвастаться самим процессом обогащения, а сделать этого нельзя — коммерческая тайна, конкуренты одолевают и пр. Приходится ездить на Канары, где уже все обрыдло. Да, еще забыл, сразу оговариваюсь: слово "еврей" заставляет насторожиться, заподозрить во мне антисемита. Если бы... Я сам частично еврей, и сын мой живет в Израиле, я обожаю Иерусалим.

— Мне русский народный антисемитизм кажется мифом...

— И мне. Времени на это у людей нет, других проблем выше крыши. Взянул вон Осташвили в ЦДЛе "про жидов", а его в тюрьме потом блатные удавили. Отношение блатных к нацпроблемам — очень точный барометр. А вот народом наше население я называть не могу при всем желании. Нет ни одной черты, кроме языка, которая бы его характеризовала как народ. Точно так же как нет и страны, есть территория.

— Вы и президента себе в этих условиях представить не можете?

— Поэкспериментировать можно, получается такая химера, гидра трехголовая: Лужков, Лебедь и барышня типа Пугачевой. А в качестве советников этой триаде нужно придать опять-таки умных евреев.

— А вы не допускаете репрессий, какой-то большой крови?

— Новый террор на долгое время вряд ли возможен. Какой-нибудь бред типа антиалкогольной кампании — запросто. Но диктовать все равно будет экономика, Америка, умные. Нам и сейчас скормливают кукурузу, просо, нитраты в куриных ножках. Если им, американцам, что-то не понравится в нашем поведении, пшеница не дадут, и привет — голодуха.

— Голодный бунт?

— Не-ет. Для бунта опять-таки нужен народ, солидарность, ощущение себя единым организмом, а эти качества у населения отсутствуют по определению. Бунта не будет, будет голодное ничегонеделанье. Это еще страшнее бунта, ибо разлагает плоть хуже гноя. Удивляюсь еще, как из кранов водопроводных моча не течет.

— Так чего же вы не едете в Израиль, сын ваш корреспондент "Известий", ведет там популярную радиопередачу?

— В Израиле очень жарко, да и тесно в плечах...

— Денег вам сейчас на жизнь хватает?

— Живу большей частью в деревне, ношу ветхое, ем скромное — экономика должна быть экономной. Хватает. И все упорядоченно: землю попашешь, попишешь стихи, в смысле — прозу. Как ее пишут в городе — не могу представить в дурном сне. А тут: печка потрескивает, приبلудные коты, женой накормленные, мурлычут на разные голоса, ходики тикают, по ночам иной раз из лесу приходит старый кабан помой жрать. Благодать!

Жена разукрасила домик, навязала думочек...

— Жена помогает?

— Еще бы. В одиночку каждый только умирает. Жизнь это парное катание во всем — в семье, в творчестве: писатель-читатель.

— С годами труднее писать?

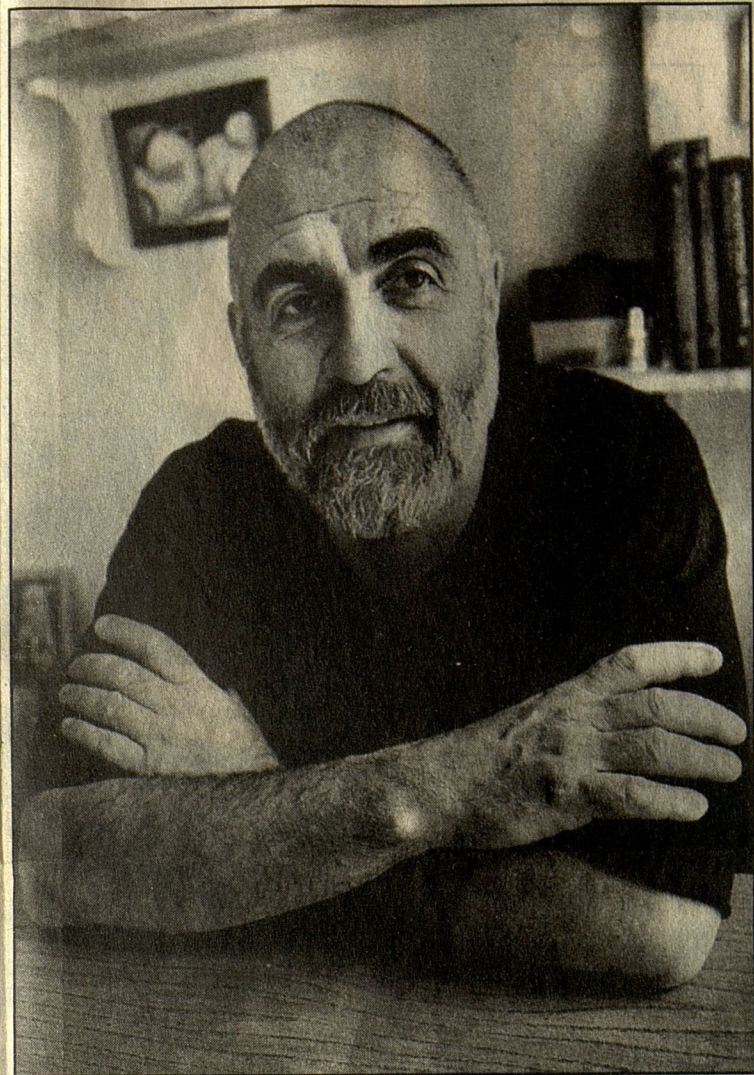
— Моя годовая выработка — 70 — 80 страниц. Это не много, но трудно, потому что их нужно напихивать по-новому, а почти весь смак уже израсходован в предыдущих опусах. И талант или, скромнее, способности тоже с годами проходят, как и все живое — здоровье, зубы, волосы... Примеров тьма. Из старых — Шолохов, Леонов, Соболев, из поздних Распутин, Белов. Заснул талантливым, проснулся бездарным. Озираешься по сторонам: куда талант подевался? Не находишь — злишься, всех подряд ругаешь. Я вообще не знаю ни одного современного литератора, которому возраст пошел бы на пользу, кроме переводчиков. Про тех особый разговор. Талант от возраста и употребления портится, не наоборот. И между молодым и состарившимся писателем зачастую ничего общего кроме фамилии не остается.

— Кстати, если вам надоест писательство или оно перестанет кормить, — есть другая профессия?

— Я по основной специальности — бездельник. Работал в своей жизни три года до армии и полтора года на Пятницком кладбище. Литинститут прогулял, причем весь, — больше образования нет. Географии, и той не знаю. Поехал в Швецию, чуть не в Заполярье, унты припас, а там в декабре растут цветочки, анютины глазки. Гольфстрим потому что. А я и не знал.

— Вы вообще возраст чувствуете как-то? По традиционным литературным меркам вы уже маститый.

— 28 августа этого года вместе с Гёте и Толстым отмечу день

рождения, 50 лет. А что касается маститости, то скорее чувствую себя излишне мясистым, все похудеть мечтаю.

— После публикации "Подложки" вы из ПЕНа выходите не собираетесь?

— Не тороплюсь, хотя им недоволен. Принято считать, что ПЕН вызволил из коммунальных тюрем туркмена Ширали Нурмуратова и таджика Бозора Собира, известных поэтов, диссидентов. А вытащил их не ПЕН, а Наум Ним, правозащитник с двадцатилетним стажем и мой друг. Может статься, Ним еще востребуется — неизвестно, как дальше карты лягут, а у него большой опыт добывания людей из-под земли.

— А что с вами, писателями, такого уж плохого может случиться в одночасье? Сидите себе, пишете старательно, никого не трогаете, ни во что не вмешиваетесь.

— Мало ли... Лубянская контора не расформирована, наоборот получила недавно высочайшее одобрение и поздравление сверху. КПСС благоденствует. Ни о покаянии, ни тем более о наказании даже речь не идет. Все может еще возвратиться на круги своя. Для чего Джон Голсуорси в начале века организовал ПЕН? Чтобы, если где-нигде писателя возьмут за ..., всем гамузом вырывать. ПЕН от сумы не защищает.

ет, а вот от тюрьмы может. Если захочет.

— Кто же виноват будет, если все вернется на круги своя?

— В большой степени мы болезненные, инженерА человеческих душ. Как дружно, не стовариваясь, в одну дуду заныли после августа девяносто первого, когда можно было и нужно на партноменклатуру намордник надеть! Как надели в Чехии, Германии... Нет, заныли в один голос: права человека, охота на ведьм, слезинка ребенка, христианское милосердие... Невнимательно читали Евангелие. Хотели как лучше, а вышло через хвост по-волчьи. Сейчас пожинают, вернее, пожирают свои плоды. Пугаются мажорных, зюгановых, баркашовых, прочую нечисть. За деток своих опасаются. А помогали такому обустройству своими руками, то есть попустительствовали, а попустительство в крупных масштабах — уголовно наказуемое деяние! Дай-то Бог, чтобы я сгущал краски.

И вообще хочу дать зарок не давать интервью. Не поддаваться соблазну. Беседы хороши и полезны — с Сократом, а не с русскими писателями: слишком закомплексованными, амбициозными и суетными.

Встречался
Дмитрий БЫКОВ

6.2.99.

Каледин С.